

УДК 53
ББК 22.3
П41

П41   **Победа** разума над оружием/Альберт Эйнштейн. Манифесты будущего / Бертран Рассел. — Москва : Родина, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-00180-769-8

В 1955 году британский философ, логик и математик Бертран Рассел вместе с великим физиком А. Эйнштейном издал серию работ, посвященных изучению возможных путей решения мировых конфликтов. Заключительную часть работы подписали все великие ученые мира. Этот текст стал своего рода итогом философских исканий двух великих ученых-атеистов. В предлагаемое издание включены лучшие статьи ученых, написанных в самый разгар холодной войны, которые посвящены победе разума над оружием.

УДК 53
ББК 22.3

ISBN 978-5-00180-769-8

© ООО «Издательство Родина», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Манифест Рассела — Эйнштейна 8

Бертран Рассел
ЛЮДИ, ДУМАЙТЕ!

Почему я не христианин	13
Свободомыслие и официальная пропаганда	36
Искусство делать выводы	59
Что такое душа?	85
Стоицизм и душевное здоровье	90
О юношеском цинизме	99
О ценности скептицизма	108
Моральные табу	123
Фанатизм и терпимость	131
Национализм	137
Происхождение фашизма	145
Власть	166
Роль индивида	173
Что такое философия?	180
Может ли человек быть рациональным?	186
«Бесполезное» знание	195
Суеверна ли наука?	208
Что такое счастье?	218
Какие желания важны для политики?	226

Альберт Эйнштейн
КАКИМ Я ВИЖУ МИР

До отъезда	246
Благодарность Америке	247
Заметки об американских впечатлениях	249
Ответ американским женщинам	253
Научный интернационал	254
Прощание	255
Письмо профессору доктору Гельпаху, рейхспрезиденту	257
Замечания по поводу нынешнего положения в Европе	258
Наследники эпох	259
Институт интеллектуального сотрудничества	260
Религия и наука	262
Религиозность науки	266
Бедственное положение науки	267
Потерянный рай	268
Еврейская община	269
«Лига Рабочей Палестины»	272
Возрождение еврейства	273
Антисемитизм и учащаяся молодежь	274
Письмо одному арабу	276
Еврейская община	278
Свобода совести	281
Добро и зло	282
Мир	283
Проблема пацифизма	284
Обращение на студенческом митинге за разоружение	285

К Зигмунду Фрейду	287
Смысл жизни	303
Каким я вижу мир	303
Производство и покупательная способность	307
Производство и рабочая сила	308
Фашизм и наука	311
К вопросу о разоружении	312
Общественное и личное	313
О богатстве	316
О педагогах и педагогике	317
Меньшинства	317
Заметки о политической вере	318
Активный пацифизм	322
Манифест	323
Покидая Германию	324

МАНИФЕСТ РАССЕЛА — ЭЙНШТЕЙНА

Мы считаем, что в том трагическом положении, перед лицом которого оказалось человечество, ученые должны собраться на конференцию для того, оценить ту опасность, которая появилась в результате создания оружия массового уничтожения, и вынести резолюцию в духе прилагаемого проекта.

В данном случае мы выступаем не как представители того или иного народа, континента или вероучения, а как люди, как представители человеческого рода, дальнейшее существование которого находится под сомнением. Мир полон конфликтов; и все второстепенные конфликты отступают перед титанической борьбой между коммунизмом и антикоммунизмом.

Почти каждый человек, который остро чувствует политическую обстановку, питает симпатию или антипатию к той или иной проблеме; но мы хотим, чтобы вы, если это возможно, отбросили эти чувства и рассматривали себя только как представителей одного биологического вида, имеющего замечательную историю развития, и исчезновения которого никто из нас не может желать.

Мы должны попытаться сказать об этом так, чтобы ни один из лагерей не смог обвинить нас в пристрастности. Всем, без исключения, грозит опасность, и, если эта опасность будет осознана, есть надежда предотвратить ее совместными усилиями.

Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов боль-

ше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?

Общественность и даже многие государственные деятели не понимают, что будет поставлено на карту в ядерной войне. Общественность все еще рассматривает ее как средство уничтожения городов. Все хорошо знают, что новые бомбы более мощные по сравнению со старыми, и, что в то время как одна атомная бомба смогла уничтожить Хиросиму, одной водородной бомбы хватило бы для того, чтобы стереть с лица Земли крупнейшие города, такие как Лондон, Нью-Йорк и Москва.

Нет сомнения, что в войне с применением водородных бомб большие города будут сметены с лица Земли. Но это еще не самая большая катастрофа, придется столкнуться. Если бы погибли жители Лондона, Нью-Йорка и Москвы, человечество могло бы в течение нескольких столетий оправиться от этого удара. Но теперь мы знаем, особенно после испытаний на Бикини, что ядерные бомбы могут постепенно приносить смерть и разрушение на более обширные территории, чем предполагалось.

Мы авторитетно заявляем, что сейчас может быть изготовлена бомба в 2500 раз более мощная, чем та, которая уничтожила Хиросиму. Такая бомба, если она будет взорвана над землей или под водой, посылает в верхние слои атмосферы радиоактивные частицы. Они постепенно опускаются и достигают поверхности земли в виде смертоносной радиоактивной пыли или дождя. Именно такая пыль привела к заражению японских рыбаков и их улова.

Никто не знает, как далеко могут распространяться такие смертоносные радиоактивные частицы. Но самые большие специалисты единодушно утверждают, что война с применением водородных бомб вполне может уничтожить род человеческий. Можно опасаться, что в случае

использования большого количества водородных бомб, последует всеобщая гибель – внезапная только для меньшинства, а для большинства – медленная и мучительная.

Многие видные ученые и авторитеты в области военной стратегии не раз предупреждали об опасности. Ни один из них не скажет о том, что гибельные результаты неизбежны. Они считают, что катастрофа вполне возможна и что никто не может быть уверен в том, что ее можно избежать. Мы убедились в том, что точка зрения специалистов на эту проблему не зависит в какой-либо степени от их политических взглядов. Она зависит только, как показали наши исследования, от степени знаний специалистов. Мы установили, что люди, которые знают очень много, выражают наиболее пессимистические взгляды.

Поэтому, вот вопрос, который мы ставим перед вами, – вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род, или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну.

Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости. Однако больше чем чтобы то ни было мешает оценке обстановки, является понятие «человечество», которое кажется туманным и абстрактным. Люди едва ли представляют себе, что опасности подвергаются они сами, их дети и внуки, а не только абстрактно воспринимаемое понятие «человечество». Они не могут заставить себя осознать то, что им самим и их близким грозит неминуемая опасность погибнуть мучительной смертью. И поэтому люди полагают, что войны, вероятно, могут продолжаться при условии, что будет запрещено современное оружие.

Это иллюзорная надежда. Какие бы соглашения по запрещению использования водородных бомб не были бы достигнуты в мирное время, их будут считать необязательными в военное время. И обе стороны немедленно при-

ступят к изготовлению водородных бомб, как только разразится война, потому что, если одна сторона начнет изготавливать водородные бомбы, а другая нет, то та сторона, которая обладает водородными бомбами, неизбежно окажется победительницей.

Хотя любое соглашение о запрещении ядерного оружия как части общего сокращения вооружений не дает окончательного решения, оно тем не менее могло бы послужить для достижения некоторых важных целей. Во-первых, любое соглашение между Востоком и Западом полезно до тех пор, пока оно направлено на уменьшение напряженности. Во-вторых, запрещение термоядерного оружия, если каждая из сторон будет считать, что другая честно намерена выполнять обязательства, привело бы к уменьшению страха перед неожиданным нападением в духе Перл Харбора, который держит в настоящее время обе стороны в состоянии нервного напряжения. Таким образом, мы должны приветствовать такое соглашение только как первый шаг.

Все мы пристрастны в своих чувствах. Однако, как люди, мы должны помнить о том, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться только таким образом, чтоб дать возможное удовлетворение всем: коммунистам или антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым и черным. Эти разногласия не должны решаться силой оружия. Мы очень хотим, чтобы это поняли как на Востоке, так и на Западе.

Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы это не сделаете, то – перед вами опасность всеобщей гибели.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы призываем этот конгресс, а через него ученых всего мира и мировую общественность подписаться под следующей резолюцией:

«В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов».

Профессор Макс БОРН, профессор теоретической физики в Берлине, Франкфурте и Геттингене, естественной философии в Эдинбурге, лауреат Нобелевской премии по физике Профессор Перси У. БРИДЖМЕН, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии по физике Альберт ЭЙНШТЕЙН Профессор Леопольд ИНФЕЛЬД, профессор теоретической физики Варшавского университета Профессор Фредерик ЖОЛИО-КЮРИ, профессор физики, лауреат Нобелевской премии по химии Профессор Герман МЕЛЛЕР, профессор зоологии Университета штата Индиана, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине Профессор Лайнус ПОЛЛИНГ, профессор химии Калифорнийского технологического института, лауреат Нобелевской премии по химии Профессор Сессил ПАУЭЛЛ, профессор физики Бристольского университета, лауреат Нобелевской премии по физике Профессор Джозеф РОТБЛАТ, профессор физики Лондонского университета Лорд Бертран РАССЕЛ Профессор Хидеки ЮКАВА, профессор теоретической физики Университета в Киото, лауреат Нобелевской премии по физике

Бертран Рассел

Люди, дУМАЙТЕ!

Почему я не христианин*

Вот здесь, на этой полке, у меня стоит Библия. Но я держу ее рядом с Вольтером — как яд и противоядие.

Б. Рассел

Тема моей сегодняшней лекции вам уже известна из речи председателя — «Почему я не христианин». Пожалуй, с самого начала было бы хорошо сделать попытку разобраться в значении слова «христианин». Дело в том, что в наши дни великое множество людей пользуется этим словом в весьма неопределенном смысле. Некоторые люди имеют в виду под христианином всего лишь человека, старающегося вести добропорядочный образ жизни. В таком смысле, на мой взгляд, христиане нашлись бы во всех сектах и религиях; но мне кажется, что это неправильный смысл слова, хотя бы потому, что из него вытекает, будто люди, которые не являются христианами — все буддисты, конфуцианцы, мусульмане и так далее, — не стараются вести добропорядочный образ жизни. Для меня слово «христианин» вовсе не означает человека, старающегося в меру своих возможностей жить честно. Я полагаю, что, прежде чем получить право называться христианином, вы должны разделять известное количество определенных верований. Правда, ныне слово «христианин» утрати-

---

* Перевод на русский язык выполнен И. З. Романовым.

ло то полнокровное значение, какое оно имело во времена св. Августина и св. Фомы Аквинского*. В те дни, когда человек заявлял, что он христианин, все знали, что именно он хочет этим сказать. Быть христианином значило принимать всю совокупность строжайшим образом определенных религиозных представлений и верить в каждую крупицу этих религиозных представлений со всей силой своего убеждения.

Что такое христианин?

Ныне совсем не то. Нам приходится быть несколько более неопределенными в своем понимании христианства. И все-таки я полагаю, что можно назвать два разных пункта, принятие которых совершенно обязательно для всякого, кто называет себя христианином. Первый пункт — догматического порядка — заключается в том, что вы должны верить в бога и бессмертие. Если вы не верите в эти две вещи, то, по моему мнению, вы не вправе называться христианином. Во-вторых, как явствует из самого слова «христианин», вы должны разделять известного рода веру в Христа. Ведь мусульмане, к примеру, тоже верят в бога и бессмертие, тем не менее христианами они называть себя не станут. Мне думается, что, как минимум, вы должны разделять веру в то, что Христос был если и не божественной личностью, то по крайней мере самым лучшим и мудрейшим из людей. Если вы не склонны разделять эту веру в Христа, то, на мой взгляд, вы не имеете никакого права называться христианином. Существует, конечно, и иной

---

* Фома Аквинский (1225–1274) – средневековый философ и богослов, основатель томизма, доминирующего течения в католической философии. В 1323 был причислен к лику святых, а в 1567 г. объявлен доктором церкви. Официальное одобрение его учение получило в папских энцикликах «Aeterni Patris» (1879) и «Studiorum ducern» (1923). Автор двух фундаментальных трудов – «Сумма теологии» (1266–1273) и «Сумма против язычников» (1259–1264), а также других произведений.

смысл слова «христианин», который вы находите в «Календаре» Уитекера* да в книжках по географии, где утверждается, что население земного шара делится на христиан, мусульман, буддистов, идолопоклонников и так далее; в этом смысле мы все христиане. Книжки по географии рассматривают нас скопом, но это чисто географический смысл слова, который, я полагаю, мы можем просто не принимать во внимание. Поэтому, задавшись целью объяснить вам, почему я не христианин, я считаю себя обязанным объяснить вам две разные вещи: во-первых, почему я не верю в бога и бессмертие и, во-вторых, почему я не считаю Христа самым лучшим и мудрейшим из людей, хотя я и признаю за ним весьма высокую степень нравственной добродетели.

Если я смог принять столь эластичное определение христианства, то этим я обязан исключительно тем плодотворным усилиям, которые были предприняты неверующими в прошлом. Как я уже указывал, в старину понятие христианства имело гораздо более полнокровный смысл. Например, оно включало в себя веру в ад. Вера в вечный адский огонь до самого недавнего времени составляла необходимую часть христианского вероучения. В нашей стране, как вы знаете, вера в ад перестала считаться необходимой частью христианского вероучения в силу постановления Тайного совета**. Правда, архиепископ Кентерберийский и архиепископ Йоркский не признали этого постановления, но в нашей стране официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом, и потому Тайному совету удалось взять верх над их светло-

---

* Уитекер, Джозеф (1820–1895) – английский издатель. Его имя связано с «Альманахом Уитекера», впервые опубликованным в 1868 г. «Календарь» Уитекера – популярный справочный ежегодник.

** Тайный совет – в Англии совет при короле, впервые возник в XIII в. Члены совета назначались королем из министров, придворных, высшего духовенства. Тайный совет состоял из ряда комитетов, в том числе и по вопросам религии.

стями, и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан. Вот почему я не стану настаивать на том, что христианин непременно должен верить в ад.

Существование Бога

Переходя к вопросу о существовании бога, я должен заметить, что это — большой и серьезный вопрос, и если бы я вздумал разобрать его хоть сколько-нибудь должным образом, то мне пришлось бы продержать вас здесь до второго пришествия. Так что вам придется извинить меня, если я коснусь его в несколько общей форме. Как вам, конечно, известно, католическая церковь установила в качестве догмы, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения. Это несколько странная догма, но тем не менее она является одной из ее догм. Ввести эту догму католическую церковь вынудило следующее обстоятельство. Одно время вольнодумцы завели привычку утверждать, что можно привести множество аргументов, при помощи которых один разум в состоянии опровергнуть существование бога; для католической же церкви существование бога, разумеется, было вопросом веры. Вольнодумцы принялись рьяно разрабатывать такие аргументы и доводы, и католическая церковь почувствовала, что этому надо положить конец. Оттого-то она и установила, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения, и ей пришлось выработать аргументы, которые, как она полагала, доказывают существование бога. Аргументов таких, понятно, довольно много, но я остановлюсь лишь на нескольких.

Аргумент первопричины

Пожалуй, проще и легче всего разобраться в аргументе первопричины. Приверженцы христианства утверждают, что все, что мы видим в этом мире, имеет причину; идя по причинной цепи все дальше и дальше вглубь, вы непре-

менно должны прийти к первопричине, и этой-то первопричине вы и присваиваете имя бога. В наши дни, как мне представляется, аргумент первопричины не пользуется особенно большим авторитетом прежде всего потому, что само понятие причины стало далеко не таким, каким оно было в прошлом. Понятие причины подверглось атакам философов и людей науки и ныне уже не обладает той жизненностью, какой оно отличалось в прошлом; но и помимо этого вы можете убедиться в том, что аргумент, согласно которому должна существовать первопричина, является совершенно несостоятельным.

Признаюсь, что, когда я был еще молодым человеком и весьма серьезно ломал себе голову над этими вопросами, я долгое время принимал аргумент первопричины, пока однажды (мне было тогда 18 лет) не прочел «Автобиографию» Джона Стюарта Милля*, где наткнулся на следующее место: «Отец объяснил мне, что на вопрос: „Кто меня сотворил?“ — нельзя дать ответ, ибо это немедленно повлекло бы за собой новый вопрос: „А кто сотворил бога?“ Это необычайно простое место убедило меня, и до сих пор я пребываю в убеждении, что аргумент первопричины является ложным. В самом деле, если все должно иметь причину, то должен иметь причину и бог. Если же может существовать нечто, не имеющее причины, то этим нечто сама природа может быть ничуть не хуже бога, так что аргумент первопричины абсолютно недействителен.

По своей природе аргумент первопричины ничем не отличается от воззрения того индуса, который считал, что мир покоится на слоне, а слон — на черепахе; когда же ин-

---

* Милль, Джон Стюарт (1806–1873) – английский экономист и философ, представитель позитивизма и утилитаризма, известен своими трудами: «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843), «Принципы политической экономии» (1848), «О свободе» (1859). Работы Милля «Автобиография» и «Три эссе о религии» были опубликованы посмертно, в 1874 г.

дуса спрашивали: «А на чем же держится черепаха?» — тот отвечал: «Давайте поговорим о чем-нибудь другом». И впрямь, аргумент первопричины ничуть не лучше ответа, данного индусом. Ведь нет никаких оснований считать, что мир не мог возникнуть без причины; с другой стороны, нет никаких оснований считать, что мир не мог существовать вечно. Нет никаких оснований предполагать, что мир вообще имел начало. Представление о том, что вещи обязательно должны иметь начало, в действительности обязательно убожеству нашего воображения. Поэтому, пожалуй, мне нет нужды более тратить время на разбор аргумента первопричины.

Аргумент естественного закона

Далее, весьма широкое распространение получил аргумент естественного закона. Особой популярностью этот аргумент пользовался на протяжении всего XVIII столетия, главным образом под влиянием сэра Исаака Ньютона и его космогонии. Люди заметили, что планеты вращаются вокруг Солнца в соответствии с законом тяготения. И люди решили, что происходит это вследствие того, что бог повелел планетам двигаться именно таким образом, а не иначе. Это было, разумеется, в высшей степени удобное и простое объяснение, которое избавляло людей от заботы смотреть глубже, чтобы дойти до объяснения самого закона тяготения. В настоящее время мы объясняем закон тяготения довольно сложным способом, который был введен Эйнштейном.

В мои намерения не входит читать вам лекцию о законе тяготения, как он был истолкован Эйнштейном, ибо это тоже отняло бы у нас много времени. Для наших целей достаточно сказать, что в нашем распоряжении нет больше понятия естественного закона в том виде, в каком оно существовало в ньютоновской системе, в которой по какой-то непостижимой причине природа вела себя всегда оди-

наково. Ныне мы обнаруживаем, что очень многое из того, что мы считали естественными законами, на самом деле оказывается человеческими условностями. Вы знаете, что даже в отдаленнейших глубинах звездного пространства три фута всегда составляют ярд. Это, вне всякого сомнения, весьма примечательный факт, но вы вряд ли назовете его законом природы. А к той же категории относится очень многое из того, что рассматривалось прежде в качестве законов природы.

С другой стороны, в тех случаях, когда вам удастся получить какие-либо познания относительно того, как в действительности ведут себя атомы, вы обнаруживаете, что они в гораздо меньшей степени подчинены закону, чем это представлялось людям ранее, и что законы, к которым вы приходите, являются статистическими средними именно такого типа, в основе которого лежит случай. Всем вам известно, что существует закон, согласно которому при бросании костей двойная шестерка выпадает только в одном примерно случае из тридцати шести, и мы не усматриваем в этом доказательство того, что падение костей регулируется чьей-то волей; как раз наоборот, если бы двойная шестерка выпадала всякий раз, тогда мы сочли бы, что чья-то воля регулирует падение костей. К этому типу и принадлежат в своем большинстве законы природы. Они являются статистическими средними того типа, который выводится на основании законов случая; и данный факт делает всю эту историю с естественным законом гораздо менее убедительной, чем это представлялось в прошлом. Но и совершенно независимо от данного факта, отражающего переходящее состояние науки, которое может завтра измениться, вся идея о том, что естественные законы предполагают наличие законодателя, обязана своим возникновением смешению естественных и человеческих законов.

Человеческие законы являются предписаниями, повелевающими вам следовать определенной линии пове-

дения, которую вы можете избрать для себя, но можете и отвергнуть; естественные же законы являются описанием того, как в действительности ведут себя вещи. И так как они являются просто описанием того, как в действительности ведут себя вещи, вы не можете утверждать, что должен существовать некто, предписавший им вести себя таким образом, ибо уже одно предположение об этом выдвигает перед нами вопрос: «А почему бог предписал именно эти законы, а не другие?» Если вы отвечаете, что он это сделал просто по своей доброй воле и без всякой причины, то тогда вы обнаруживаете, что существует нечто, не подчиненное закону, и, таким образом, ваша цепь естественного закона оказывается прерванной. Если же вы отвечаете, как отвечают более правоверные богословы, что во всех тех законах, которые бог предписал, он имел причину предписать именно эти законы, а не другие (причина эта, конечно, заключалась в том, чтобы сотворить наилучшую Вселенную, хотя вам никогда и в голову не придет, что она похожа на наилучшую Вселенную), — словом, если имелась причина для тех законов, которые бог предписал, то в таком случае сам бог был подчинен закону. Следовательно, вы ничего не выгадываете от того, что ввели бога в качестве посредника. Вы приходите, по существу, к признанию закона, независимого от божественных установлений и предшествующего им, и допущение бога бьет мимо цели, так как он не является конечным законодателем.

Короче говоря, весь этот аргумент относительно естественного закона больше не имеет той силы, какой он обладал в прошлом. В своем обзоре аргументов я рассматриваю их во времени. С течением времени аргументы, используемые для доказательства существования бога, меняют свой характер. На первых порах они были незыблемыми интеллектуальными аргументами, воплощающими известные, вполне определенные заблуждения. Когда же мы подходим к Новому времени, они становятся менее

почтенными в интеллектуальном отношении и все больше и больше отмеченными печатью своеобразной морализующей неопределенности.

Аргумент целесообразности

Следующая ступень в указанном процессе приводит нас к аргументу целесообразности. Всем вам известно, в чем заключается этот аргумент: все в мире устроено таким образом, чтобы мы могли в нем жить; а если бы мир был устроен хоть немного иначе, то мы не смогли бы в нем жить. Именно в этом состоит аргумент целесообразности. Порой он принимает довольно курьезные формы; например, можно услышать, что кролики потому имеют белые хвосты, чтобы в них легче было целиться. Не знаю уж, как оценили бы этот аргумент сами кролики. Аргумент целесообразности является удобной мишенью для насмешек. Всем вам известна острота Вольтера, что, по-видимому, нос был предназначен для того, чтобы на нем могли держаться очки. Правда, позднее выяснилось, что подобные насмешки не так уж метки, как это могло казаться в XVIII столетии, ибо со времени Дарвина мы стали гораздо лучше понимать, почему живые существа приспособлены к окружающей их среде. Дело вовсе не в том, что среда была создана таким образом, чтобы соответствовать живым существам; наоборот, сами живые существа изменились так, чтобы соответствовать окружающей их среде, и именно это является основой приспособления. Никакой целесообразности это не доказывает.

Когда начинаешь вдумываться в аргумент целесообразности, то просто диву даешься, как люди могут поверить, будто наш мир, со всеми вещами, в нем находящимися, со всеми его изъянами, является самым лучшим, что только смогло создать всемогущество и всеведение на протяжении миллионов лет. Я действительно не могу поверить этому. Неужели вы думаете, что если бы вас надели-

ли всемогуществом и всеведением да еще дали бы в придачу миллионы лет, чтобы совершенствовать созданный вами мир, то вы не смогли бы создать ничего лучшего, чем ку-клукс-клан, фашисты или м-р Уинстон Черчилль? Право, на меня не производят большого впечатления те люди, которые заявляют: «Взгляните на меня: я такое великолепное творение, что во Вселенной непременно должна существовать целесообразность». На меня великолепие этих людей не производит особенно большого впечатления. Вот почему я полагаю, что в действительности аргумент целесообразности является весьма и весьма убогим аргументом. К тому же если вы принимаете обычные законы науки, то вы должны допустить, что в конце концов человеческая жизнь и вообще жизнь на нашей планете прекратится: земная жизнь — всего лишь вспышка; она — ступень в процессе упадка Солнечной системы; на определенной ступени упадка образуются такие температурные и иные условия, которые благоприятны для протоплазмы, и на короткое время в Солнечной системе возникает жизнь. Луна является вам то состояние, к которому движется Земля, — нечто мертвое, холодное и безжизненное.

Мне возражают, что это угнетающий взгляд, а порой люди еще добавляют, что если бы они согласились с подобным взглядом, то после этого жизнь для них стала бы невыносимой. Не верьте этому; это совершеннейшая чепуха. На самом деле никто не станет особенно волноваться из-за того, что должно случиться через миллионы лет. Если даже иным и кажется, что они всерьез волнуются из-за этого, то на самом деле они обманывают сами себя. Люди волнуются из-за чего-то гораздо более земного, или они просто страдают несварением желудка; но в действительности никто не станет серьезно отчаиваться при мысли о чем-нибудь таком, что должно случиться с нашим миром через миллионы и миллионы лет. Вот почему, соглашаясь с тем, что предположение о неизбежности гибели жизни на са-

мом деле является мрачным взглядом (по крайней мере, мне кажется, что мы вправе так утверждать, хотя порой, когда я принимаюсь размышлять над тем, какое употребление люди делают для своих жизней, этот взгляд представляется мне чуть ли не утешением), я не могу в то же время признать, что это такой взгляд, который делает жизнь невыносимой. Он просто побуждает вас обратить свое внимание на другие вещи.

*Нравственные аргументы в пользу
существования Бога*

Теперь мы снижаемся еще на одну ступеньку в том, что я называю интеллектуальным сошествием (intellectual descent), проделанным теистами в их аргументации, и приходим к тому, что называют нравственными аргументами в пользу существования бога. Все вы, конечно, знаете, что в старину были в ходу три интеллектуальных аргумента в пользу существования бога и что все они были опровергнуты Иммануилом Кантом в его «Критике чистого разума»; но стоило ему опровергнуть эти аргументы, как он тут же сочинил новый аргумент, нравственного порядка, и совершенно уверовал в него. Кант был похож на многих людей: в интеллектуальных вопросах он был человеком скептического склада, но в вопросах нравственных он безоговорочно принимал на веру все понятия, усвоенные с молоком матери. Этот пример служит иллюстрацией настойчиво подчеркиваемого психоаналитиками факта, что идейные ассоциации, возникшие у людей в самом раннем детстве, оказывают на нас гораздо большее влияние, чем идейные ассоциации, возникшие в более поздние годы.

Итак, как я уже сказал, Кант сочинил новый, нравственный аргумент в пользу существования бога, и аргумент этот в различных формах пользовался необычайной популярностью на протяжении всего XIX столетия. Формы, которые принимает нравственный аргумент, весьма многообразны.